

Пролог

Игорь Сотов, как все ровесники, ходил в школу, как многие — увлекался самоделками. Отец — инженер, мать — научный сотрудник. Грянула перестройка, учителя в школах разбежались, отец и мать взялись за ум сына, подтянули, подучили, а он раз — и в армию.

Два года прошли как один день, и вышел из паренька дембель. Новая форма, на груди медалька лучшего стрелка, на плечах сержантские погоны, а в голове — пусто... И контракт сверхсрочника на пять лет службы в рюкзаке.

А пограничные войска, как оказалось, есть и на границе Чечни. Там они даже более востребованы, чем в других местах. Хлебнуть довелось всякого, но судьба хранила. Кому суждено быть повешенным, утонуть не грозит.

Но всё когда-нибудь заканчивается, закончилась и служба. Продлевать контракт не стал. В рюкзаке уже не обоймы, а учебники. Пора и за ум взяться.

И вот Москва, столица, все куда-то спешат, суетятся, а его путь — по стопам отца, в МГТУ имени Баумана на факультет фундаментальных наук. Знания за последние полгода освежены основательно, и экзамены сданы на отлично.

Первый год пролетел незаметно, оставив за бортом не сумевших одолеть бурные реки научных зна-

ний. Но некоторые нашли рядом с собой спасательный круг в виде паренька постарше, который не отказывается сделать курсач одногруппнику и даже денег за это не возьмёт.

К третьему курсу деньги пришлось всё же брать, а то иначе некоторые личности начали считать лохом и навязывать своё мнение окружающим. К пятому курсу он перешёл уже исключительно на дипломные работы — денег это давало куда больше, да и интереснее.

Не за горами уже виднелась аспирантура, благо кандидатскую можно не делать, выбирай любую из трёх заготовленных впрок, но судьба...

Глава 1

Тот день из памяти выбило полностью, потом только узнал о том, что был сбит автомобилем, что виновник ДТП скрылся. Только через три месяца узнал, когда из реанимации вышел.

В общей сложности провёл в больнице полгода, и даже после сказать, что выздоровел, — сильно польстить. Левая нога почти не гнётся, левой руки нет по локоть, и осколки от рёбер все внутренности изранили. Как жив остался — загадка.

Жилья нет, квартиру сдали кому-то другому, деньги пока были, но не особо много. Можно бы домой вернуться, но родители ушли в лучший мир год назад, а без них квартира пуста, как бутылка водки после празднования Нового года.

И эта ассоциация, видимо, была неспроста, так как следующие несколько дней... или недель я помню только кусками и урывками.

Очнулся я в вырезвители со страшной головной болью — в компании с восемью отвратительно воняющими телами бомжей. Тела были ещё тёплые и, судя по храпу, такими и собирались оставаться. Я лежал, наслаждался «ароматами» и постепенно осознавал глубину своего падения. Из этого осознания постепенно рождалась мысль: после следующего «захода» очнёшься в морге, ну, или уже не очнёшься, что вероятнее...

* * *

Пока Игорь Иванович Сотов, двадцати девяти лет от роду, давал себе страшную и нерушимую клятву трезвости, события принимали необычный и весьма неприятный для отдельной камеры вытрезвителя оборот. По короткому коридору прогрохотал десяток ботинок большого размера полувоенного образца. Ключ со скрипом провернулся в замочной скважине — и дверь распахнулась. Заключенные и глазом не успели моргнуть, как добрый десяток мужчин в пятнистом камуфляже, масках и с надписью «ОМОН» на спине подхватили по одному телу и выволокли из камеры. Таким же образом их протащили по участку к заднему выходу, вплотную к которому был запаркован большой грузовик. Заключённых протащили через открытую дверь в кузов и сноровисто приковали висящими на поручне наручниками к стене фургона.

Один из бомжей, увидев, как других сокамерников приковывают, стал вырываться, громко хрипя что-то нецензурное, но был быстро утихомирен ударом дубинки, мгновенно выхваченной конвоиром. За первым ударом последовал второй и еще. «Омоновец» остановился, только когда заключенный перестал кричать и мог только стонать. Голова и кисти рук, не прикрытые одеждой, были разбиты до крови. Шутить тут никто не собирался.

* * *

Грузовик ехал достаточно долго, чтобы Игорь успел оклематься, насколько это вообще было возможно в его положении, и обдумать ситуацию, в которую он попал. Немного доработанный с помощью сварки кузов совершенно не напоминал обычный тю-

ремный транспорт. Конвоиры действовали чересчур жёстко и нервно для сотрудников полиции. В голову лезли мысли о подпольных клиниках по пересадке органов и трудовых рабских лагерях, но подобранный контингент опровергал все эти версии. Бомжи не отличаются здоровьем и трудолюбием. В голове засела неприятная мысль, что у этих людей есть и ещё одно сходство — их никто не будет искать.

Открыли дверь уже совсем другие люди — в руках дубинки, в кобурах пистолеты; похожи скорее на охранников из ЧОПа, чем на полицию. Одеты в чёрную форму с невнятным логотипом, бронезилетов ни у кого нет. То, как сноровисто они вывели бомжеватую толпу из фуры, доказывало, что дело это для них привычно и неоднократно отработано.

Не дав осмотреться, толпу криками, пинками и ударами резиновых дубинок погнали к входу в огромный ангар, какие строили в СССР для стоянки самолетов. Сейчас всё внутреннее пространство ангара было разделено железобетонными и стальными ограждениями.

Всё тем же способом нас продолжали гнать по длинному коридору. Промежуточной остановкой стал какой-то склад, где на каждого арестанта навесили по здоровенному туристскому рюкзаку цвета хаки; при этом они были сравнительно лёгкими и выглядели почти пустыми.

Конечной остановкой стал подъёмник, какие устанавливают для перемещения рабочих в глубокие шахты. Нас опустили на минус сотый (или около того) этаж. Ствол шахты резко раздался в стороны,

образуя свод огромной пещеры, слабо освещенной установленными на стенах фонарями. Часть пещеры вдоль стены была огорожена металлическим забором, за которым рядами стояли тюремные нары. На них валялись десятки людей, внешне ничем не отличающихся от моих сокамерников.

Так начался один из самых тоскливых и безрадостных этапов моей жизни.

В слегка облагороженной пещере мы провели около двух недель. Хмурые неразговорчивые охранники дважды в день забирали четырёх сокамерников, используемых в качестве носильщиков, — вверх отправлялись вёдра с отходами человеческой жизнедеятельности, а вниз спускались кастрюли с едой. Никаких разносолов, что-то среднее между кашей и супом, а по сути — всё, что поварам под руку попало, сваренное в единую разварившуюся массу. Свиньям так корм готовят...

Но вот однажды устоявшийся распорядок дня был нарушен. Сразу после «завтрака» охранники согнали всех сокамерников к одной из стен и усадили прямо на пол. Кто подогадливей, подложили под седалища рюкзаки или одежду. Содержимое рюкзаков изучить удалось только на ощупь. Слабого света, исходящего откуда-то сверху, было недостаточно, чтобы рассмотреть надписи, но этого по большому счёту и не требовалось. В рюкзаке было всего две вещи — маленькая садовая лопатка и двухлитровая пластиковая бутылка из-под кока-колы с водой.

Между тем охранники начали раздавать заключённым заклеенные скотчем пластиковые пакеты, но вскрывать их пока запретили, приказав положить в рюкзак. А в следующую секунду глаза практически ослепли от яркого света, хлынувшего сверху.

Сразу же стало понятно назначение большого полотна, растянутого на одной из стен пещеры, — это оказался экран, на который проецировалось изображение с видеопроектора, установленного где-то за нашими спинами.

Показ «фильма» не занял много времени, и к концу его даже самому тупому из присутствующих стало понятно, что вот он — Пушной Северный Зверёк.

Если обобщить всю полученную информацию, то нам требовалось взять рюкзаки и стройными рядами идти в какое-то место. Собирать там какие-то травки-корешки-грибочки, описание внешнего вида которых и заняло большую часть времени показа. После этого нам следовало дожидаться ночи и высматривать место, откуда запустят зелёную сигнальную ракету. Если мы не выйдем к намеченному месту в течение трёх дней или выйдем, но с пустыми руками, то там же и останемся. Вернувшимся с добычей были обещаны месяц санатория, выпивка без ограничения, а особенно отличившимся — женское внимание.

Сзади заработала лебедка подъемника, на котором как-то незаметно собралась вся местная охрана. Лампы разом погасли.

Первые несколько минут было относительно тихо, раздавались только отдельные нечленораздельные матерные выражения, но потом вокруг началась какая-то возня, слышались возгласы, крики, ругательства. Кто-то даже устроил потасовку.

Я от греха отполз подальше, благо места вокруг было предостаточно.

Находясь отдельно от испуганно беснующейся толпы, временно занятой собой, я первый почувствовал нарастающую дрожь, исходящую, казалось, пря-

мо из собственной грудной клетки и распространяющуюся по всему телу. Дрожь постепенно нарастала, и скоро даже перевозбуждённые люди стали её замечать. Тональность криков стала стремительно меняться, плавно переходя к панической.

Дрожание грудной клетки распространилось вначале по всему телу, а потом стало концентрироваться в животе, голове и почему-то в левой руке. Я успел только удивиться, что так чётко чувствую отсутствующую руку, как на меня с новой силой накатила дрожь, на мгновение лишая сознания.

* * *

Приходил в себя я постепенно. Всё тело ломило, как после изнуряющих физических упражнений, тошнило, свет неприятно резал глаза, а в нос била непередаваемая вонь от долго не мытого человеческого тела. Источником вони являлся тощий мужик, внешний вид которого не оставлял сомнений в роде его деятельности. Бомж обыкновенный.

Столь неприятное соседство дало силы на то, чтобы подняться на несколько ступеней эволюции, превратившись из пресмыкающегося в прямоходящего. Тошнота и боль в мышцах постепенно проходили, а солнце уже не так слепило, и можно было оглядеться.

Первое, что бросалось в глаза, — идеально ровная каменная площадка метров двадцати в диаметре, по которой были живописно разбросаны куски проволочного ограждения, обрывки бумаги, рюкзаки и человеческие тела. Последние начинали проявлять признаки жизни, впрочем, не все. Тот субъект, что был ближе всего ко мне, похоже, решил, что с него

в этой жизни неприятностей уже достаточно и отправился в следующую. Никаких видимых повреждений у него не было, но, повидав большое количество мёртвых людей, начинаешь интуитивно чувствовать такие вещи.

Провел быструю инвентаризацию имеющегося в рюкзаке снаряжения. Негусто. Двухлитровая бутылка с водой, стандартный армейский суточный паёк, садовая лопатка (инструмент для выкапывания добычи) и папка с распечатками формата А4. Видимо, те, кто это всё устроил, не слишком надеялись на память здесь присутствующих, снабдив копией материалов, показанных в фильме.

А между тем толпа примерно из сорока ошарашенных сидельцев начала приходить в себя и оглядываться. Кто-то уже ковылял на двух или четырёх конечностях, остальные оглашали окрестности душераздирающими завываниями, изо всех сил показывая окружающим, как им плохо.

И всё это, судя по всему, могло продолжаться ещё долго, если бы один из «четвероногих» в ходе своего путешествия не оказался вблизи края каменной плиты прямо напротив густых кустов с крупными листьями светло-зелёного цвета. Дальнейшее не заняло и одной секунды. Из кустов выскочило что-то клыкастое и мохнатое и, не дав себя толком разглядеть, схватило несчастного первопроходца за ногу, после чего также быстро скрылось с добычей. Скорее всего, не все успели заметить произошедшее, но пропустить отчаянный крик жертвы местного хищника смог бы только глухой.

В мгновение ока всё вокруг пришло в движение. Объятая первобытной паникой толпа бросилась бе-

жать. Самое удивительное, что впереди всех бежали те, кто только что очень убедительно «умирал», оглашая окрестности «предсмертными» завываниями.

Игорю ничего не оставалось, как броситься следом, благо бегущие впереди ломились напролом, оставляя за собой довольно удобную, расчищенную от препятствий тропинку. Как и всегда в трудной ситуации, его мозг стал работать чётко и последовательно, нисколько не мешая развивать максимальную для искалеченного тела скорость. Самым лучшим выходом было держаться посреди толпы, тогда шансы, что хищники схватят именно тебя, минимальны. После чего дожидаться ночи, определиться с направлением и выходить к людям. К сожалению, Игорь был не в форме, и надежды удержать необходимый темп не было. Он бы очень быстро оказался в числе отставших, то есть в самом невыгодном положении. Кроме того, он был практически единственным, кто сохранил при бегстве рюкзак, и делиться запасами ни с кем не хотел.

План дальнейших действий сложился сам собой: продолжать движение по следам перепуганной толпы, пока не найдётся место, где можно безопасно отделиться. В принципе, преследователей можно было пока не опасаться. Оставшихся на каменной плите тел людей, не перенёсших перемещение, было достаточно много, чтобы местные хищники не пустились в преследование сразу. Удобное место показалось только через час, когда шедший вынужденно неторопливой походкой Игорь уже начал слышать впереди человеческие голоса. Похоже, люди поняли, что их никто не преследует, и решили немного передохнуть.

Следы начали уходить чуть влево вдоль склона неглубокого оврага, по каменистому дну которого

бежал неторопливый ручеёк. Игорь осторожно спустился вниз, перешагнув через ручей и несколько минут шёл вниз по течению, погружаясь по щиколотку в воду и отдаляясь от «товарищей по несчастью». Найдя удобное место, он поднялся на противоположный берег и стал углубляться в лес. Оставалось только надеяться, что хищники пойдут по легко различимому следу толпы людей, а не по размытому водой запаху одиночки.

Через пару часов движения Игорь окончательно выбился из сил, а повреждённая нога начала сильно болеть. Он нашёл удобное место, присев на выступающий из земли корень огромного, в три обхвата, дерева неизвестной породы. Пищу решил не экономить. В его состоянии еда в желудке — сила, а еда в рюкзаке — вес.

Только сейчас удалось как следует осмотреться. В пути он больше высматривал опасности и выбирал маршрут. Лес, на первый взгляд, не сильно отличался от привычного, только породы деревьев и кустарников были незнакомыми. Погода стояла приятная, около двадцати пяти градусов, дождя не намечалось. Таким мог бы быть лес, например, в Северной Америке на широте Чикаго.

Внезапно все размеренные мысли вылетели из головы, а волосы на затылке встали дыбом. Такое у Игоря уже было один раз, когда он во время обычного патрулирования неожиданно нос к носу столкнулся с врагом. Тогда его спасла быстрота реакции. И теперь он что было сил рванулся вправо, но при этом забыл про больное колено и не отпрыгнул, а скорее просто упал на землю. Тишина. Ничего не происходило. Игорь про себя чертыхнулся и начал подниматься с земли. Тут и произошло нападение.